

Умерла Сьюзан Зонтаг

Космический В. — 2004. — 30 дек. — с. 14

некролог

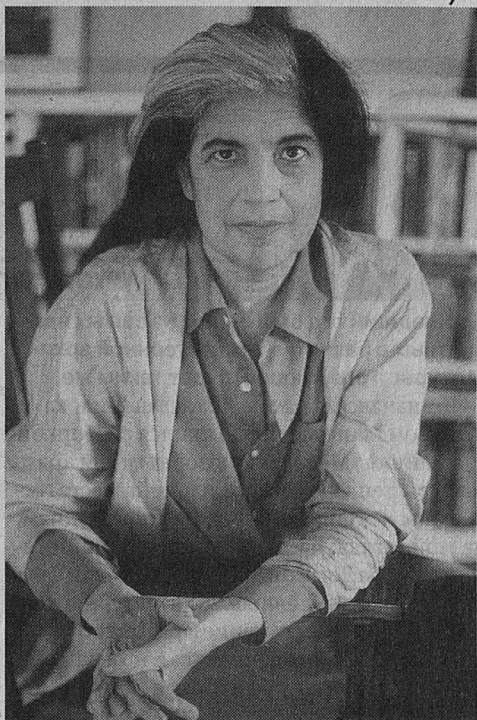
Поздно вечером 28 декабря в возрасте 71 год в Нью-Йорке от лейкемии в мемориальном раковом центре «Слоан-Кеттеринг» скончалась писательница, критик, культуролог, философ и один из интеллектуальных кумиров второй половины XX века Сьюзан Зонтаг.

Она не была старой. Нося в себе с 70-х годов рак, она не казалась больной. Она была красивая, страстная и чрезвычайно умная женщина. Пока она была нашей современницей, можно было мечтать о том, чтобы с ней поговорить. Сейчас она там, где говорят между собой только великие. Для оставшихся это огромная потеря. Для Нью-Йорка, истинной дочерью которой она была, зияющая рана.

Сьюзан Зонтаг выглядела так, как должен выглядеть настоящий «ньюйоркер». Она носила длинные распущенные волосы, ее лицо всегда было открыто, она мало пользовалась косметикой, ходила в черном и любила крупные украшения. Она стремительно двигалась и любила помогать друзьям и знакомым. Была очень знаменитой и очень успешной, но с годами все больше занималась делами чужих людей и чужих народов. Себя она называла «ярым моралистом» и «фанатом серьезности», и эти автохарактеристики даже в пуританской Америке не казались уничижительными. В этой ее собственной морали было место защите геев и отрицанию скрытого фашизма, яростный протест против политики Буша и поездки в Сараево, признании вины самой Америки за теракты 11 сентября и кампании протеста против аятоллы Хомейни, призвавшего убить Салмана Рушди. Ей все было интересно и ей всегда было тесно в рамках.

Сьюзан Зонтаг написала 17 книг и множество эссе. Но кто она больше — писатель или философ, критик или киносценарист, сейчас уже не разберешь. Она из тех, чьи слова лезли на лезу, чтобы тут же разобрать на цитаты. Она вошла в теорию современной культуры прежде всего как исследователь фотографии и других медийных практик. Она первая показала, что фотография есть рассказ, который требует от зрителя (читателя) большого труда по его прочтению, но отдает за это сполна. Она утверждала, что постмодернизм сыграл с нами плохую шутку, потому как сделал процесс творчества и его созерцания слишком простым. Она ввела в обиход термин «кэмп» — точка балансирования на грани вульгарности и театральности, «подделка», на которой строится значительная часть современного искусства: «Я испытываю сильную тягу к кэмпу и почти такое же сильное раздражение... Для того чтобы назвать чувствительность, набросать ее контуры и рассказать ее историю, необходима глубокая симпатия, преобразованная отвращением». Она исследовала эстетику геев. Проанализировав все и вся, она не боялась высказать вслух опасение, что интерпретация погубит восприятие «очаровательной, волшебной» силы искусства. Ей принадлежит замечательная формула отношения к поп-культуре — «это так плохо, что хорошо».

В ее текстах всегда много теории, но немало и практики. Ее немиссия для интеллектуала популярность во многом и была следствием такой позиции. Говоря о

фотографии, она обличала Лени Рифеншталь, которая даже в снимках диких чернокожих африканских племен не смогла преодолеть расизм, провоцирующий особое любование телом в кадре. Говоря об опрошении восприятия искусства, она обращалась прежде всего к американскому читателю, оптимизм и запрограммированность которого на развлечение и являлись скрытым объектом исследования Сьюзан Зонтаг. Ее слушали почти беспрерывно, ее слова на обложке чужой книги — сильнейший рекламный ход, ее рекомендация — открытые двери в нью-йоркский интеллектуальный клуб. Из наших соотечественников она одарила Иосифа Бродского и Леонида Цыпкина — у нее был хороший вкус.

Дважды она попробовала себя в художественной литературе. Роман «Поклонник вулканов» (1992) о лорде Гамильтоне не самая лучшая ее книга, но одна из лучших книг, где описывается и анализируется страсть к коллекционированию впечатлений. Второй роман, «В Америке» (2000), более историчен, посвящен американской актрисе польского происхождения Хелене Моджеевской и более удачлив — он получил престижную национальную книжную премию. В нем меньше анализа, но больше психологизма.

С годами страхи и страсти людей интересовали ее все больше. Одно из последних ее эссе называлось «Уважая боль других». Однако ни ее собственные ярость и протест, ни боль и страдания других не мешали ей до конца оставаться уникальным мыслителем. «Я не знаю ни одного другого интеллектуала с таким ясным сознанием, с такой способностью связывать, соединять, соотносить», — сказал о ней мексиканский романист Карлос Фуэнтес. Она сама про себя это тоже знала. Как знала она и о том, что такое смерть. «В наше время все существует ради того, чтобы окончиться фотографией», — писала Сьюзан Зонтаг в одном из своих самых знаменитых эссе, «О фотографии». Вчера миллионными тиражами ее фотографии в некрологах разлетелись по всему миру. «Жизнь — кинематограф, смерть — фотография», — предупреждала она нас и себя. Вчера это стало и ее реальностью.

КИРА ДОЛИНИНА